

Japan, Great Britain, Latvia, China, Cuba, Vatican, Belgium, Greece, Switzerland with respect to features access to basic legal specialties: judges, prosecutors, lawyers and notaries, at the stage adaptation of Ukraine to the European Union.

Here are observed the procedures for admission to the profession, forming a hierarchical system of recruitment, their high moral and ethical level of high social status on purpose the rights, freedoms and lawful interests of individuals and legal entities.

List of reference links:

1. Gheorghita AZ Constitutional law of foreign countries: Tutorial. – Ternopil: Aston, 2003. – 432 p.

2. Svyatotsky OD, V. Medvedchuk Bar of history and modernity [electronic resource] – By: Jure 1997 – 320 pp. – Access mode: <http://pravouch.com/page/advokatura/ist/ist-12--idz-ax233.html>

3. Constitutional right Ukraine: tutorial for law schools [electronic resource] / to order. prof. In the. F.Pogorilka. 2-ge form., Dop. í pereopr. – K. Naukova Dumka. 2000. – 732 s. – Access mode: http://pidruchniki.ws/15840720/pravo/konstitutsiyne_pravo_ukrayini_-_pogorilko_vf

4. Luz, L. Modern legal systems of the world. For law students [electronic resource] – Lviv. – 2003. – Mode of access: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1324_page_19.html

5. Loboda O. Freedom use the title deed! / O.Loboda. // Legal Practice. – 2004. – № 17. – P.19.

6. Loboda O. Notary practice of the Old World / O.Loboda. // Legal Practice. – 2004. – № 17. – С. 8.

7. Ryman V. Device GERMAN Notariat / V. Ryman. – Access mode: <http://www.mirnot.narod.ru/germ.html>.

О ДИСПОЗИТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ НОРМ

Оксана ПАЛИЙ,

аспирант кафедры философии

Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is devoted to the optionality of legal norms in its broadest sense. Every law, like any legal norm, contains its disposition as an instruction how to proceed in terms of the hypothesis and its provision. Due to the form of fixing the desired behavior of the subjects of the law we consider a special kind of norms which is optional. The article pays attention to the broader meaning of the terms «disposition», «optionality», which refers to the measurement of the degree of feasibility and legal empowerment. In this broader understanding each norm of law not only contains optional part but generally is optional. The author believes that without considering the optionality of legal norms and behavior of the subjects of law, effective law-making and effective enforcement are impossible.

Key words: disposition, optionality, opportunity, victimhood.

Аннотация

Статья посвящена исследованию диспозитивности правовых норм в ее широком понимании. Каждый закон, как и любая правовая норма, содержит свою диспозицию – предписание о том, как следует поступать в условиях, предусмотренных в гипотезе данной нормы. По форме закрепления желаемого поведения субъектов права выделяют специальный вид нормы – диспозитивный. В статье обращается внимание на более широкий смысл терминов «диспозиция», «диспозитивность», который касается измерения степени осуществимости правовых возможностей. В этом широком понимании каждая норма права в целом диспозитивна, а не только содержит диспозитивную часть. Автор считает, что без учета диспозитивности, как самих правовых норм, так и поведения субъектов права, невозможно эффективное правоприменение.

Ключевые слова: диспозиция, диспозитивность, возможность, виктимность.

Постановка проблемы. Часто возникают ситуации, в частности, на стадии законотворчества, когда чрезвычайно важно определить, какова же вероятность осуществимости правовой возможности, заложенной в том или ином законопроекте. Казалось бы, принятие закона – это и есть осуществление правовой возможности, ее «материализация». Однако дальнейшая судьба принятой законодателем нормы может быть разной: она может успешно функционировать, может оказаться недействующей, а может порождать такие возможности, которые не были предусмотрены законодателем.

Актуальность темы обосновывается неисследованностью темы, так как вопрос о диспозитивности правовых норм не рассмотрен. В философии права понятие диспозиции также не было предметом специального исследования и остается непроясненным.

Состояние исследования. Обращались к изучению понятия диспозиции такие ученые, как К. Поппер, Н. Гудмен, Д.М. Армстронг. Также следует отметить значимость исследований П.К. Гречко, который рассмотрел вопросы о реальности, действительности

диспозиций, а также степень их влияния на научную картину мира в целом.

Целью и задачей настоящей статьи является рассмотрение вопроса о диспозитивности правовых норм, а также диспозиции поведения субъектов правоотношений, что будет способствовать правильному и эффективному правоприменению.

Изложение основного материала.

Каждый закон, как и любая правовая норма, содержит свою диспозицию – предписание о том, как следует поступать в условиях, предусмотренных в гипотезе данной нормы, то есть это та часть нормы, в которой указывается само правило поведения, юридически выражающее юридические права и обязанности.

Но есть и более узкое понимание диспозитивности. По форме закрепления желаемого поведения субъектов права выделяют специальный вид нормы – диспозитивный. Под диспозитивными нормами права понимаются нормы, в которых указывается на определенный вариант поведения, но допускают и другой вариант: они позволяют сторонам регулируемых отношений самим определять права и обязанности

в других возможных ситуациях. Их также называют «заполняющими», поскольку они заполняют отсутствие соглашения и действуют лишь тогда, когда стороны регулируемых отношений не установили (не согласовали) для себя иного правила, не договорились в данном вопросе и распознаются через следующие формулировки: «при отсутствии иного соглашения», «если иное не установлено в договоре» и др. [1, с. 444]. Другими словами, диспозитивные нормы права предоставляют своего рода свободу выбора возможного варианта поведения.

Диспозитивность нормы можно наблюдать и в уголовном процессе. К примеру, действует положение о том, что стороны уголовного производства являются свободными в использовании своих прав в пределах и способами, предусмотренными Уголовным процессуальным кодексом Украины [2]. Производство в суде апелляционной инстанции, кассационное производство – это также действия, которые зависят от субъекта, однако ограничены рамками закона, и лишь в его пределах субъекты права могут осуществлять права и обязанности на свое усмотрение. В гражданском процессе – это отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения и т.д.

Мы хотели бы обратить внимание на более широкий смысл терминов «диспозиция», «диспозиционность», который распространен в современной философии науки и который, на наш взгляд, может быть использован в философии права. В этом широком понимании каждая норма права в целом диспозиционна, а не только содержит диспозиционную часть. Как констатирует П.К. Гречко, исходные корни смысла терминов «диспозиция», «диспозиционность» связаны с понятиями «естественная тенденция», «наклонность», «темперамент человека», «предрасположенность», «предусмотренное естественное поведение» и т.п. [3, с. 100], что позволяет увидеть связь диспозиционности с возможностью, неявно присутствующей в изучаемом предмете. При этом имеет место возможность не абстрактная, а вполне реальная, обусловленная природой данного объекта, события; она является в этом смысле естественной, а ее реализация – вполне ожидаемой. Превратит-

ся ли она в действительность – зависит от наступления ситуации, от наличия соответствующих условий.

Итак, диспозиция – это некое «естественное поведение вещей», «естественная тенденция», то, что прячется, гнездится, сидит в том или ином явлении, материале, объективном положении вещей [3, 100], и при этом соответствует сути, началу, корням данных вещей.

В этом понимании, правовая норма в целом диспозиционна, так как, помимо текста закона, она предполагает неформализованное содержание последнего, отражающее реальные правовые ситуации, которые не всегда наступают. Этот самый расширенный смысл (содержание) нормы имплицитен и потому не всегда нам понятен, не всегда учитывается. Мы можем в полной мере его уяснить лишь непосредственно при применении норм права, неизбежно погружаясь во вполне определенные условия. И вот норма, попадая в одни условия – выполняется, в другие – не выполняется вообще, или искажается ее первоначальный смысл, и она порождает возможности, которые не были предусмотрены законодателем. Другими словами, только при соотношении с практическими, реальными условиями – начинает просматриваться весь спектр вариантов поведения, реализующих данную правовую норму, как диспозицию – естественную направленность, естественную тенденцию. Норма задает интервал, пространство «естественного», ограничивая это пространство рамками человеческого в человеке.

Вокруг понятия диспозиции, диспозиционности в методологии идут споры. К. Поппер все свойства считает диспозиционными, Н. Гудмен видит в каждой вещи определенное сочетание явных и диспозиционных свойств: «Кроме наблюдаемых свойств, которые она демонстрирует, и актуальных процессов, которые она претерпевает, вещь полна угроз и обещаний. Диспозиции или способности вещи, – ее гибкость, ее воспламеняемость, ее растворимость – не менее значимы для нас, чем ее очевидное поведение» [Цит. по: 3, с. 100]. Так дело обстоит и с правовыми возможностями, которые не только явно, но и неявно присутствуют в законе, и для осуществления которых необходимы определенные условия.

Иную позицию занимает, например, И.В.О. Куайн, который считает, что «атрибуция диспозиционного предиката объекту отражает лишь неполноту нашего знания о нем». С ним согласен и Д.М. Армстронг: «все истинные свойства... недиспозиционны» [Цит. по: 3, с. 100]. При таком понимании норма права должна исчерпывающе учитывать все возможные варианты поведения; речь может идти только о неполноте знаний законодателя, а не о вариативности самих ситуаций. Однако мы не можем не возразить против такого понимания, отметив, что, независимо от того, каково знание у нас о конкретном объекте, – данные свойства либо реально присущи последнему, либо нет. Другое дело, что достаточное (полное) знание об объекте способствует эффективному (правильному) обращению с ним.

Следует также согласиться с П.К. Гречко: «Даже если диспозиция составляет атрибутивное свойство вещи, все равно она в полной мере проявляет себя только в конкретных обстоятельствах, или, иначе говоря, «по ситуации» [3, с. 102]. Поэтому необходимо еще на стадии законотворчества учитывать (предусматривать) определенные ситуации, в которых проявляется данная правовая возможность.

Например, при принятии нового Уголовного процессуального кодекса Украины подразумевалось, что его нормы будут более полно защищать права и возможности всех участников процесса, в том числе потерпевших. Однако на деле оказывается, что некоторые новшества могут привести к прямо противоположному результату. Происходит это потому, что условия применимости нормы не сформулированы четко или сформулированы частично. Например, некоторые действия, предусмотренные нормой, не эксплицированы во временном отношении.

Так, гражданин, обратившись с заявлением в правоохранительные органы о совершенном в отношении него преступлении, рассчитывает на быстрое, полное и всестороннее расследование.

Вместе с тем, процессуальный срок расследования исчисляется согласно ст. 219 УПК с момента вручения подозреваемому сообщения о подозрении, а срок с момента совер-

шения преступления и до сообщения о подозрении никоим образом не устанавливается и, следовательно, является неопределенным, что может привести к нарушению прав потерпевшего. Исключение составляет только случай, предусмотренный п.1ч.1ст.276 данного кодекса, где указано время вручения сообщения о подозрении (задержание лица на месте совершения уголовного правонарушения, а также непосредственно после его совершения). Диспозиция нормы, таким образом, включает в себя скрытое свойство, не учтенное законодателем.

В данном кодексе содержатся и другие положения, касающиеся процессуальных сроков, в которых нарушена четкость изложения, содержится неопределенность и неоднозначность в исчислении процессуальных сроков. Например, «разумные сроки», «необходимые для исполнения», «кратчайшие сроки», «при наличии достаточных оснований» и т.д., которые, на первый взгляд, не вызывают подозрения, однако без соответствующих уточнений вносят двусмысленность в понимание, в применение норм и, в конечном счете, ведут к нарушению прав участников уголовного процесса. Например, размытость временного отрезка от совершения преступления до сообщения о подозрении может привести к активизации возможностей, неявно содержащихся в тексте нормы – уклонение преступника от ответственности, коррупционных действий сотрудников правоохранительных органов и др.

Так, каждый гражданин имеет право на осуществление своей защиты, что подразумевает, как минимум, достаточность для этого природного времени (к примеру, для заключения соглашения с защитником, ознакомления с некоторыми материалами уголовного производства, подготовки ходатайств, заявлений, апелляционных жалоб и других действий). А в ч. 2 ст. 114 УПК Украины лишь сказано, что какие-либо сроки, которые устанавливаются прокурором, следователем либо судьей, не могут превышать пределов граничного срока, предусмотренного УПК, и должны быть такими, которые дают достаточно времени для производства соответствующих процессуальных действий или принятия процессуаль-

ных решений, и не препятствуют реализации права на защиту.

Таким образом, несмотря на то, что реализация права на защиту должна быть ключевой, законодатель здесь ограничился одной опять же неопределенной формулировкой. Ведь в одном случае для реализации такого важного конституционного права потребуется три часа, в другом – несколько суток, а решать, на свое усмотрение, отведено право одному, максимум двум чиновникам.

Причем критериями для таких разумных сроков снова, согласно ч. 3 ст. 28 УПК Украины, являются совершенно неопределенные понятия, такие, как: сложность уголовного производства, объем и специфика процессуальных действий, поведение участников процесса, а также способ осуществления следователем, прокурором и судом своих полномочий. К примеру, в одном регионе и одним лицом данное конкретное дело признается сложным, в другом регионе и другим лицом – легким. То есть, как и по каким критериям определить сложность уголовного процесса, четко не урегулировано, а значит, этот вопрос также выносится на «свое усмотрение».

Следовательно, можно предположить, что невозможно будет добиться одинакового, правильного применения и действия уголовного процессуального закона в пространстве, вследствие разного понимания, толкования таких неопределенных критериев представителями стороны обвинения; положение усугубляется также в силу недостаточного уровня профессиональной подготовленности, занятости, личной заинтересованности, а также других всевозможных условий.

Таким образом, из-за отсутствия четко определенных процессуальных сроков по конкретным категориям уголовных производств и в отношении конкретной категории лиц невозможно будет согласиться с тем, что применение правовых норм будет правомерным, справедливым и эффективным.

Таким образом, в целом Уголовный процессуальный кодекс Украины призван защитить людей, общество, государство от уголовных правонарушений, охранять права и свободы участников уголовного производства, однако, попадая в практические усло-

вия, может привести к прямо противоположному результату. И в таком случае нормативно-правовой акт теряет свой первоначальный смысл. Ш. Монтескье писал: «Когда я отправляюсь в какую-либо страну, я проверяю не то, хороши ли там законы, а то, как они осуществляются, ибо хорошие законы встречаются везде» [1, с. 628].

Остается добавить, что хороший закон должен строго очерчивать диапазон своих «естественных», правовых применений, а если это требование не соблюдается, то такой закон хорошим назвать нельзя.

Если связь понятия «диспозиция» с такими значениями как естественная тенденция», «наклонность», «предрасположенность» ясна, то как объяснить связь понятия «диспозитивности» с «темпераментом человека»? В этой связи мы бы хотели обратить внимание на такое понятие, как «виктимность», которое, на наш взгляд, имеет прямое отношение к понятию диспозитивности. Виктимность можно определить как социальное, психическое и моральное свойство человека отклоняться от норм и правил безопасного поведения, что увеличивает потенциальную опасность становиться в определенных условиях (стечениях обстоятельств) жертвой преступления [4, с. 230].

Рассматривая проблему причин виктимного поведения личности, Б.С. Братусь пришел к выводу, что виктимность может «побуждаться разными обстоятельствами. Она может быть причинно-обусловленной, т.е. вытекающей из сложившихся условий, которые являются непосредственно причинно-порождающими для данной деятельности. Она может расцениваться как причинно-сообразная, т.е. соотносящаяся с кругом породивших ее условий-причин, но уже не прямо и непосредственно вытекающая из них. Она может быть целесообразной, т.е. в качестве главной ее характеристики, согласованной с заранее поставленными целями. Наконец, она может быть целесообразной, т.е. преимуществу определяемой, производной от цели. Понятно, что в первых двух случаях (причиннообусловленности и причинносообразности) источник деятельности локализуется в прошлом, в уже сложившейся ситуации; в двух остальных случаях (целесообразности

и целеобусловленности) – в будущем, в том, что предстоит» [Цит по: 4, с. 230].

Виктимность – типично диспозитивное свойство, так как выявить, присутствие оно человеку или нет, невозможно без учета особенностей его поведения. И лишь в конкретных ситуациях, условиях – это качество становится явным. Лица, обладающие данным качеством, посредством своего поведения могут лишь приблизить себя к роли жертвы преступления.

Так, Г.И. Чечель определил закономерности распределения виктимизации потерпевших. Согласно с данными статистических исследований невиновная (социально-активная) жертва была выявлена в 8,7% изученных случаев, невиновная (пассивная) жертва в 10,9%; жертва с неодобряемым поведением, – в 4,3%; жертва с неосмотрительным поведением – в 12%; жертва с аморальным поведением, – в 15,2% случаев; жертва с провоцирующим поведением, – в 17,4%; жертва с преступным поведением, – в 31,5% случаев изученных преступлений, связанных с причинением тяжких последствий личности [4, с. 231]. Из данного исследования следует, что именно лица с неосмотрительным, провоцирующим, а тем более – с преступным поведением, с большей вероятностью могут стать жертвой преступлений.

Виктимология – это развивающееся комплексное учение о лицах (возможных жертвах преступлений), находящихся в кризисном состоянии и мерах помощи таким жертвам. В этой связи общетеоретическое виктимологическое исследование представляет собой процесс выработки системы новых научных знаний о потенциальных жертвах социально опасных проявлений, определения понятий, аксиом, разработки языка теории, формирования методов научного анализа на основании выявления и обобщения типовых закономерностей взаимодействия жертв и социально опасных проявлений, наблюдаемых и измеряемых теориями среднего уровня (с целью предупреждения преступности) [4, с. 224–225].

Виктимологические исследования акцентируют внимание на том, что при применении норм права необходимо обращать внимание не только на диспозитивные свойства норм права, но и на диспозитии поведения субъектов

правоотношений, так как без этого невозможно правильное и эффективное правоприменение.

Внимание на возможностях, которые связаны с разумом и возможностях, которые с ним не связаны, акцентировал внимание еще Аристотель. Первые могут порождать различные варианты дальнейшего поведения, чего не скажешь о возможностях, не связанных с разумом, которые предусматривают лишь один единый возможный вариант поведения, единый исход превращения возможности в действительность. «И одни и те же способности, соотносящиеся с разумом, суть начала для противоположных действий, а каждая способность, не основывающаяся на разуме, есть начало лишь для одного действия; например, теплое – это начало только для нагревания, врачебное же искусство – для болезни и здоровья...» [5, с. 236].

Таким образом, предвидеть дальнейшее поведение правовой нормы возможно с большей достоверностью, чем дальнейшее поведение субъекта правоотношений, так как при наличии всех необходимых условий, можно предположить, что норма, скорее всего, осуществится. Другое дело, когда дело касается субъективного фактора. Ведь человек может не выполнять свои обязательства в силу различных причин, которые учесть гораздо труднее.

В качестве вывода отметим, что лишь учитывая связь явно выраженных и неявно предполагаемых правовых возможностей, заложенных в правовых нормах, мы можем предусмотреть перспективы реализации нормативно-правового акта. Важно учитывать диспозитии в процессе подготовки норм права, а не только после их практической апробации.

Другим выводом является признание необходимости учета диспозитивных свойств поведения личности как субъекта правоотношений (например, виктимности), что может способствовать предотвращению многих преступлений.

Список использованной литературы:

1. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков: Эспада, 2005. – 840 с.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України від 05.07.2012 № 5076-VI (зі змінами та доповненнями) // Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2013, № 9-10, стор 474, ст. 88.

3. Гречко П.К. Диспозитии: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация / П.К. Гречко // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 99–110.

4. Туляков В.А. Виктимность и ее выражение. / В.А. Туляков // Збірник статей. – О.: Астропринт, 1997. – С. 224–232.

5. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 1 / Аристотель; перевод с древнегреч. под ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.